

УДК 94(470.41)+321

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА «КАЗАНСКОГО ВЕЛИКОГО ГРАДА БУСУРМАНСКОГО» ХАНСКОГО ПЕРИОДА (1440-е – 1552 гг.)

*А.Г. Бахтин, доктор исторических наук (Йошкар-Ола);
Б.Л. Хамидуллин, кандидат исторических наук*

Возникновение государства татар Среднего Поволжья – Казанского ханства стало возможно в результате распада Золотой Орды и обособления Булгарского улуса и прилегающих территорий с периферийным марийским, удмуртским, чувашским, мордовским и башкирским населением. В конце 1430-х гг. в район Казани пришел изгнанный из Сарая хан Улуг-Мухаммед со своими людьми¹. Здесь он сумел закрепиться и после успешных военных действий против московского князя предполагал возобновить борьбу за лидерство в Улусе Джучи. Однако после смерти хана его старший сын Махмутек («Мамотяк» русских летописей) отказался воевать за власть в распадающейся Золотой Орде и предпочел основательно обосноваться в Казани, ставшей отныне столицей самостоятельного татарского государства². Со временем «торговое значение Великих Булгар и политическое значение Сарая как правительственного центра» окончательно перешло к Казани³.

Хан Махмутек во время своего правления был преимущественно занят обустройством и преобразованием страны, во многих областях жизни продолжающей развитие местных традиций⁴. Он прилагал много усилий к объединению под своей властью булгарских эмиратов и подавлению местного сепаратизма. При этом хан

опирался на поддержку татар и иных мусульман, привлекаемых в Среднее Поволжье также из более южных и восточных регионов. «И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран: от Златы Орды, от Асторохани, и от Азова и от Крыма», – информирует нас об этом Казанский летописец⁵. «Языческие же племена пользовались [в ханстве] полной свободой в выборе образа жизни и верований. Чуваши, черемисы [марийцы] или ары [удмурты] могли принимать мусульманство лишь по собственному желанию, но никак не по принуждению, ибо насилие в вопросе вероисповедания было запрещено. Уважением пользовались не только верования, но и образ жизни: так, никто не насаждал в башкирских землях земледелие, хотя большинство казанского народа [т.е. казанцев, казанских татар] еще с давних булгарских времен традиционно было искусными хлеборобами. Башкирские племена по-прежнему, как и их предки, вели кочевой образ жизни, и это нисколько не порицалось властями»⁶. В целом новое государство унаследовало многое из того, что было ранее в Золотой Орде, и, в частности, – толерантность в отношении религиозных конфессий и стремление укрепить и приумножить созданные ранее различными этносами экономические взаимоотношения и культуру⁷.

Внутренняя и внешняя политика государства во многом определялась интересами различных кланов-родов⁸ и групп знати, политико-экономическое противоборство коих уходит корнями в историю Золотой Орды. Разрушительным последствием этого соперничества стало ослабление и в конечном итоге распад золотоордынской империи. Столь же негативные последствия оно имело и для судьбы Казанского ханства. Поэтому не зря татарский историк Газиз Губайдуллин в начале XX в. отмечал, что в то время как русские «цари строили свое государство на крепкой основе», «в татарских ордах во всех этих вопросах была полная анархия», т.к. «беки, мурзы, саиды играли в государственные дела, как в игрушки»⁹.

Н.А. Фирсов и вслед за ним Г.И. Перетяткович выделили в Казани так называемые «партии»¹⁰. Это определение было подхвачено многими историками¹¹. Иногда «партии» называют «группировками»¹². Они боролись за власть и независимость ханства. Изначально борьба казанской знати была тесно связана с иностранными государствами, у которых они искали поддержку и которые сами активно вмешивались в политическую жизнь ханства. Пришлые ногайские, ордынские, сибирские, а затем и крымские татары-феодалы составили основу провосточной группы. Их особая популярность у населения обуславливалась тем, что они выступали с патриотических позиций под зеленым знаменем ислама, за независимость страны, союз с мусульманскими юртами и священную борьбу против христианской Руси. Это неизбежно вело к обострению отношений с Московией, и было губительно для ханства и трагично для населяющих его народов. Одновременно оформилась промосковская партия. Ее основу составляла казанская знать, опирающаяся на тор-

гово-ремесленные круги, заинтересованные в мирных отношениях с Русью и в экономическом сотрудничестве с ней. Она объективно выражала интересы большинства населения ханства, однако была слабее восточной и менее популярна. Отметим, что ее лидерам было трудно находить компромисс и с Москвой, которая стратегически стремилась добиться политической и экономической зависимости ханства. Кроме того, сказывалось конфессиональное различие двух стран: мусульманам было психологически сложно пойти на союз с христианским государством, нежели с единоверцами из других юртов, если даже этот союз отвечал интересам большинства. Что касается экономических связей, то они были еще весьма слабыми и не могли заметно влиять на устойчивость мирных отношений с Русью¹³.

Вся история Казанского ханства представляет собой метание между двумя политическими крайностями: от соглашения с христианской Московией к поиску тесного контакта с мусульманскими государствами – Сибирским ханством, Ногайской Ордой, Крымом, а на последнем этапе существования и с Турцией. Это оказывало влияние на политическую борьбу в Казани, делало неустойчивым положение «партий».

Московский историк М.В. Моисеев полагает, что оформление политических партий в Казани произошло достаточно поздно, «что реальная дифференциация казанской аристократии наметилась лишь к 1530-м годам». Он пишет, что это были изначально партии «войны» и «мира». Раскол казанской знати относит к 1545 г., а появление «крымской» и «русской» партий только к 1549 г.¹⁴.

Можно согласиться с историком в том, что к концу существования ханства политическая дифференциация действительно приобрела

большую четкость и полярность, но не устаревающее определение политической борьбы в ханстве дано И.И.Смирновым. Он предлагал «рассматривать внутривосточную борьбу в Казани как типичное проявление феодальных усобиц, как борьбу феодальных родов за власть, причем эта борьба осложнялась тем, что внутривосточные группировки использовались соседними с Казанью государствами – Русским государством, Крымом, шибанскими ханами – для облегчения осуществления своих внешнеполитических планов. С другой стороны, сами эти группировки пытались укрепить свои позиции в борьбе за власть при помощи блокирования с тем или иным соседним с Казанью государством, рассчитывая облегчить себе приход к власти при помощи внешней силы»¹⁵. Казанское ханство унаследовало традицию междоусобной борьбы из Золотой Орды, откуда заимствовало политическую систему. Уже на этапе образования ханства прослеживается борьба за власть в семье Улуг-Мухаммеда. Каждый из ее представителей имел поддержку среди татарской аристократии. Впоследствии междоусобная борьба усугубилась привлечением иностранных государств и в окончательном виде приобрела форму прокрымски и промосковски ориентированных «партий».

В известной мере на возникновение промосковских настроений среди татар влияли внешнеполитические усилия Руси. Практика была отработана еще Иваном Калитой, при котором начался широкомасштабный подкуп ордынской знати. Русская дипломатия, не жалея средств, вербовала себе сторонников из числа татарской знати. Часть феодалов привыкала получать «жалованье» и отработывала его проведением угодной Москве политики и предоставлением важной ин-

формации. Подарки и «поминки» из Москвы логично связывались татарской знатью с прежним «выходом» и другими подношениями периода золотоордынского владычества над Русью и воспринимались как законное жалованье, которое на деле все более превращалось в систему подкупа. В 1567 г. казанские эмигранты в Крыму и их сторонники с досадой говорили на заседании дивана крымскому хану Девлет-Гирею о политике Ивана Грозного в отношении татарских ханств: «А казанцом де он шубы давал, и вы де тем шубам не радуйтесь, после деи того и Казань взял»¹⁶.

Однако завербованные феодалы никогда не стояли в надежной и прямой зависимости от Руси. Представители промосковски настроенной знати всегда подчеркивали, что они служат в первую очередь своему хану, а уже потом великому князю московскому и руководствуются в своих действиях желанием установления дружеских и союзных отношений между странами. Поддержка Москвы использовалась феодалами в первую очередь в собственных интересах, а если же они расходились с московскими, то татары отказывались следовать в фарватере политики Руси, и тогда происходили случаи тех самых «измен», по поводу которых так часто сетуют русские летописцы.

Состав сторонников казанских политических партий не был постоянным: феодалы переходили из лагеря в лагерь в зависимости от изменений политической конъюнктуры. Между «партиями» постоянно происходила политическая борьба, нередко доходившая до вооруженных столкновений. Успех ее сильно зависел от настроений широких слоев татарского населения. Уровень общественного сознания в Казани был еще таковым, что народные массы связывали надежды на улучшение своего положения с

победой той или иной казанской «партии». Заинтересованные в иноземной помощи в борьбе за власть, казанцы в то же время болезненно воспринимали иностранное вмешательство во внутренние дела ханства, в систему его государственного управления и экономику.

Во внешней политике ханство имело дипломатические, экономические, культурные отношения и военные конфликты как с соседями, так и отдаленными государствами. Ногайцы беспешинно торговали с Казанью лошадьми и овцами¹⁷. Их кочевья порою подходили к Каме и оказывались на территории ханства. Ханы часто заключали династические браки с ногайскими татарами. Ногайские степи, наряду с Русью, служили местом эмиграции казанской оппозиции. В Казани имелось «мангытское княжое место». Из Казани ногайцам шла ежегодная дань медом, шубами, сукнами и деньгами – 10 кадей меда и 60 рублей денег¹⁸. Форма выплаты дани не была фиксированной, есть упоминание о годовой дани с Казани в размере 100 батман меду и 9 шуб¹⁹. В другой раз речь идет о 100 батманах меду и 100 рублях²⁰. В 1577 г. князь Урус писал о том, что в Ногайскую Орду из Казани шли шубы, сукна и мед, или взамен 40000 алтын деньгами²¹. Ногайцы часто выступали союзниками казанцев и воевали совместно с ними против русских, однако отношения, случалось, портились и они нападали на ханство и помогали русским.

Разнообразные контакты существовали с Тюменским (Сибирским) ханством. Сибирские царевичи и ханы до начала XVI в. пытались влиять на Казань и претендовали на политическую власть.

С Астраханским ханством в основном поддерживались благоприятные отношения, астраханцы оказывали

хотя и небольшую, но военную помощь казанским ханам.

С Большой Ордой ханство находилось во враждебных отношениях, но активных боевых столкновений между ними не происходило.

Очень тесные союзнические отношения сложились с Крымским ханством: представители казанских правящих династий находились в родственных связях с Гиреями, поэтому влияние крымской знати являлось существенным. Через Крым казанцы пытались установить отношения и с Турцией. Но той политической, экономической и военной помощи, на которую рассчитывали в Казани, получить ни от Крыма, ни от Турции не удалось.

Имелись серьезные дипломатические контакты с Великим княжеством Литовским – в основном они были связаны с попыткой заключения анти-московского союза.

Но главным внешнеполитическим партнером Казанского ханства являлись сначала отдельные русские княжества и земли, а затем Московское государство.

На отношения между Московским княжеством и Казанским ханством влияли унаследованные ордынские традиции многовекового господства татар над Русью и давнее соперничество между Северо-Восточной Русью и Волжско-Камской Булгарией за контроль над Средним Поволжьем. В средние века не существовало принципа «мирного существования» и отношения между соседями строились с позиции силы, поэтому состояние войны было обычным, а мир непродолжительным. Если военный и экономический потенциал был приблизительно равным, то какое-то время могли сохраняться равноправные отношения. Если же такой паритет нарушался, то более сильный сосед обычно пытался поставить слабого в

какую-либо степень зависимости, с целью создания буфера безопасности и получения экономических выгод (взимание дани и создание благоприятных условий для торговой и хозяйственной деятельности). Для этого использовались всевозможные средства, включая дипломатические, экономические и военные. Элита Казанского ханства не всегда адекватно воспринимала произошедшие политические изменения и, памятуя о прежнем величии некогда единой и могучей Золотой Орды, пыталась сохранить над русскими землями свою власть. Однако стремящаяся к объединению и набирающая силу Россия превращалась в мощное государство, способное вернуть и отстоять собственную независимость. Неспособность татар удержать русские земли в зависимости приводила к частым межгосударственным конфликтам.

После поражения русских под Суздаlem в 1445 г. и пленения великого князя Василия II Московское княжество оказалось в даннической зависимости от Казани²². Видимо, великий князь не сразу начал выплату обещанной дани. Этим можно объяснить неоднократные вторжения казанцев в русские пределы в 1446 и 1447 гг.²³ Потом длительное время нападений не было.

В 50-е гг. XV в. на очередь встал вопрос об окончательном объединении русских земель и полном освобождении от иностранной зависимости. Обозначилось несоответствие установившихся политических отношений реальному соотношению сил – набирающее силу Русское государство, обладавшее значительными материальными и людскими ресурсами и военным потенциалом, вынуждено было подчиняться более слабому Казанскому ханству. Это противоречие неизбежно должно было привести к конфликту. Видимо, уже на рубеже

50–60-х гг. Москва прекратила выплату дани Казанскому ханству и Большой Орде.

Одновременно обозначилось столкновение русско-казанских интересов в Вятской земле и Перми. Приступая к завершению объединения страны, Москва в 1458–1459 гг. предприняла походы против вятчан и вынудила их признать свою власть²⁴. Казань не устраивало усиление московского влияния на границах ханства и тем более переход Вятской земли под власть Москвы. Типографская и Вычегодско-Вымская летописи и письма хана Сафа-Гирея польско-литовскому королю Сигизмунду I свидетельствуют, что Казанское ханство рассматривало Вятку как сферу своего влияния и получало оттуда дань²⁵. Существует мнение о том, что Вятская земля находилась под протекторатом Казанского ханства²⁶. Имелись у Казани аналогичные интересы и в Пермской земле.

Еще на одну причину ухудшения русско-казанских отношений обратил внимание К.В. Базилевич, отметив, что русское правительство путем установления контроля над Казанским ханством предполагало не допустить его сближения с враждебной Руси Большой Ордой и превратить ханство в своего стратегического союзника²⁷.

Проблему можно было решить тремя способами: 1) наладить дружеские и союзнические отношения посредством заключения выгодного договора; 2) поставить ханство в вассальную зависимость; 3) ликвидировать его путем завоевания или мирного присоединения²⁸. Русские последовательно использовали все возможные способы.

Противоречия между странами вылились в конфликт. В марте 1461 г. русские войска предприняли поход на Казань. Однако войну удалось временно предотвратить. Казанские послы встретили во Владимире Васи-

лия II, предложили ему мир, в результате чего русские поход отменили²⁹. Однако нападения подвластных казанцам черемисов на русские земли не прекратились. В 1462 г. против них была направлена ладейная рать устюжан, вологжан и галичан. Повоевав марийские селения по Вятке и Каме, русские ушли в Великую Пермь. Тем временем «рать черемиская с тотары казанскими приходила на Устюжь-

кий уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали; в полон повели много русских голов... Устюжане ходили за ними в погоню; сугнав их, побили всех, а полон назад отполонили весь»³⁰.

Следующий вооруженный конфликт произошел в 1467–1469 гг. и был связан с борьбой за ханский престол в Казани.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фэхретдин Р.* Олуг Мохэммед хан // Шура. – Оренбург, 1908. – № 10. – 297–303 б.

² Подробнее о возникновении Казанского ханства см.: *Бахтин А.Г.* Образование Казанского и Касимовского ханств. – Йошкар-Ола, 2008.

³ *Ахмеров Г.* Избранные труды: История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар. – Казань, 1998. – С. 72.

⁴ См., например: *Әхмәрәв Г.* Казан тарихы. – Казан, 1909; *Баттал Г.* Казан төркиләре. – Казан, 1996. – 21 б.; *Смирнов А.П.* Роль Болгарского государства в формировании Казанского ханства // Общество археологии, истории и этнографии. – Казань, 1963. – Т. 36. – С. 65–72; *Алишев С.Х.* Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995. – С. 8–18; *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – С. 137.

⁵ Казанская история (Далее: КИ). – М.; Л., 1954. – С. 53; См. также: *Лызлов А.И.* Скифская история. – М., 1990. – С. 50.

⁶ *Ахмеров Г.* Избранные труды... – С. 84.

⁷ См., например: *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Рукопись дис. ... к.и.н. – М., 1950.

⁸ Первое четкое упоминание об их наличии в ханстве с указанием родовых имен см.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. – М., 1988. – С. 184.

⁹ *Газиз Г.* История татар. – М., 1994. – С. 103.

¹⁰ *Фирсов Н.А.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. – Казань, 1866. – С. 73; *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI веках. (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. – С. 151–176.

¹¹ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. – Казань, 1990. – С. 35–44.

¹² *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. – М., 1990. – С. 53–54; *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Введение в историю Казанского ханства. Очерки. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2005. – С. 94.

¹³ *Смирнов И.И.* Восточная политика Василия III // Исторические записки. – М., 1948. – Т. 27. – С. 19; *Базилевич К.В.* Внешняя политика централизованного Русского государства (Вторая половина XV века). – М., 1952. – С. 200.

¹⁴ *Моисеев М.В.* Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. Вопросы источниковедения и историографии истории средневековых тюрко-татарских государств. – Казань, 2013. – Вып. 5. – С. 20–30.

¹⁵ *Смирнов И.И.* Указ. соч. – С. 19.

¹⁶ Российский государственный архив древних актов. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 13. – Л. 42 об.-43.

¹⁷ Кочкаев Б.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Автореф. док. дисс. – Ростов н/Д. 1988. – С. 15.

¹⁸ Продолжение древней российской вивлиофики (Далее: ПДРВ). – Ч. 9. – СПб., 1793. – С. 168, 220, 241; Ч. 10. – СПб., 1795. – С. 27; Ч. 11. – СПб., 1801. – С. 182, 233, 291.

¹⁹ ПДРВ. – Ч. 9. – С. 241.

²⁰ ПДРВ. – Ч. 10. – С. 27.

²¹ ПДРВ. – Ч. 11. – С. 182, 233, 291.

²² Бахтин А.Г. Указ. соч. – С. 156–157.

²³ Полное собрание русских летописей (Далее: ПСРЛ). – Т. XXXVII. – С. 44, 87–88, 113.

²⁴ ПСРЛ. – Т. XII. – С. 112; Т. XXIII. – С. 156; Т. XXVI. – С. 217; Т. XXVII. – С. 120–121, 275, 349; Варнавинская старина. Очерки истории Поветлужья. – Варнавин; Н. Новгород 1993. – С. 16.

²⁵ ПСРЛ. – Т. XXIV. – С. 188; Послание царя казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. – Казань, 1997. – № 1/2. – С. 32; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сб. – Сыктывкар, 1958. – Вып. 4. – С. 262.

²⁶ Серкин С.П. Аргументы и факты к пониманию реальных событий древней истории Вятского края. – Киров, 2013.

²⁷ Базилевич К.В. Указ. соч. – С. 199–200.

²⁸ Ковин В.Н. Истоки развития России по имперскому пути: восточный вопрос во внешней политике Русского государства в конце XV–XVI веков // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Челябинск, 1995. – Ч. 1. – С. 40.

²⁹ ПСРЛ. – Т. XII. – С. 114; Т. XVIII. – С. 214; Т. XXV. – С. 277.

³⁰ ПСРЛ. – Т. XXXVII. – С. 46, 90.

Аннотация

В статье рассмотрена политическая история Казанского ханства. Указывается, что во внешней политике ханство имело дипломатические, экономические, культурные отношения и военные конфликты как с ближайшими соседями, так и отдаленными государствами. Скрупулезно исследованы и по возможности объективно изложены взаимоотношения в XV – первой половине XVI в. Казанского, Крымского, Касимовского, Астраханского и Тюменского ханств, а также Московии и Ногайской Орды.

Ключевые слова: политическая история, Среднее Поволжье, Казанское ханство, Московское государство, татары, русские, марийцы, мусульмане, христиане.

Summary

The article discusses the political history of the Kazan Khanate. Indicates that foreign policy of Khanate had diplomatic, economic and cultural relations and military conflicts with both immediate neighbors and distant countries. Meticulously researched and as possible objectively presented relationships of Kazan, Crimea, Kasimov, Tyumen, Astrakhan Khanates, Muscovy and the Nogai Horde in the XV – the first half of the XVI centuries.

Keywords: Political History, Middle Volga Region, Kazan Khanate, Moscow State, Tatars, Russians, Mari, Muslims, Christians.